

И. А. Умнова-Конюхова*

Современное понимание предмета конституционного права в условиях бинарного развития внутригосударственного (национального) и международного права

***Аннотация.** Обосновывается, что диалектика бинарного развития внутригосударственного (национального) и международного права предопределила конвергенцию предмета конституционного права и международного публичного права. Проводится анализ научных взглядов, дается сравнительная оценка конституционно-правового и международно-правового регулирования, практики международных судов и национальных судов, меняющих в современную эпоху представление о предмете конституционного права.*

Отмечается, что подход к пониманию предмета конституционного права как двухуровневой системы общих и конкретных общественных отношений еще более утвердился и получил развитие на фоне двух взаимосвязанных тенденций глобализации и диверсификации современного права. С одной стороны, усилилось влияние общих конституционно-правовых отношений в условиях расширения регулятивной роли принципов права. С другой стороны, появились дополнительные виды конкретных отношений, обусловленные конституционализацией новых сфер правового регулирования.

Приводится классификация государств, закрепляющих в конституциях место общепризнанных принципов и норм международного права в системе внутригосударственного права. Одна группа определяет общепризнанные принципы и нормы международного права как часть национальной правовой системы (например, Австрия, Греция, Португалия). Другая группа устанавливает также их соотношение по юридической силе (Беларусь, Германия, Грузия, Россия и др.). Третья группа определяет лишь соотношение норм международного договора и закона (Армения, Болгария, Польша, Казахстан и др.).

Другая динамично развивающаяся тенденция, по мнению автора, состоит в синхронном вовлечении международных и национальных судов в толкование конституционно-правовой материи. Бинарное взаимодействие конституционного и международного публичного права проявляется как в практике взаимного учета судами правовых позиций, так и в принятии противоположного содержания решений. Общие подходы и различия демонстрируются, в частности, на примере сравнения практики Суда ЕС и судов европейских государств, ЕСПЧ и судов РФ. Констатируется, что появление концепции глобального конституционализма обуславливает интернационализацию конституционного права. Отмечается, что сторонники глобального конституционализма, предлагающие признать идею международного конституционного права и международной конституции, тем самым выводят на новый уровень дискуссию об отрасли конституционного права и о ее предмете.

© Умнова-Конюхова И. А., 2018

* Умнова-Конюхова Ирина Анатольевна, доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом конституционно-правовых исследований Российского государственного университета правосудия
iaumnova@mail.ru

117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69

Ключевые слова: предмет, конституционное право, международное публичное право, глобализация права, диверсификация права, конституция, национальные суды, международные суды, бинарное развитие отраслей права, конституционализация частного права, глобальный конституционализм.

DOI: 10.17803/1994-1471.2018.95.10.151-161

Диалектика бинарного развития внутригосударственного (национального) и международного права предопределила конвергенцию или взаимопроникновение предмета конституционного права и международного публичного права. Общий подход к пониманию предмета конституционного права как двухуровневой системы общих и конкретных общественных отношений еще более утвердился и получил развитие на фоне двух взаимосвязанных тенденций — глобализации и диверсификации — современного права¹. С одной стороны, усилилось влияние общих конституционно-правовых отношений в условиях расширения регулятивной роли принципов права. С другой стороны, появились дополнительные виды конкретных конституционно-правовых отношений, обусловленные «опубличиванием» и конституционализацией новых сфер правового регулирования, формирующих блоки экономической, социальной, экологической, духовно-нравственной конституций, необходимостью создания конституционно-правовых норм о государственных гарантиях обеспечения мира, безопасности, устойчивого развития, противодействия терроризму, экстремизму, киберпреступности, генномодифицированным технологиям и другим угрозам и вызовам государству, обществу и человеку².

Среди заметно развивающихся тенденций нельзя не назвать интернационализацию предмета конституционного права³. Речь идет об отношениях, признаваемых предметом кон-

ституционного права в силу прямого действия общепризнанных принципов и норм международного права, а также о расширении предмета конституционно-правового регулирования под влиянием ратифицированных международных договоров.

Признавая общепризнанные принципы и нормы международного права частью правовой системы, государства тем самым подразумевают их прямое действие и непосредственное применение. При этом наблюдается их совпадение с принципами и нормами внутригосударственного права либо дополнение правовой системы новыми правовыми положениями. Функционирование такого бинарного механизма обеспечивается конституционным закреплением соотношения источников и соответственно норм и принципов международного публичного права и национального конституционного (государственного) права.

Можно выделить несколько основных групп государств по этому критерию.

Одна группа стран определяет в своих конституциях самый общий порядок соотношения норм международного и национального права, указывая на то, что *общепризнанные принципы и нормы международного права являются частью национальной правовой системы*. Например, согласно ст. 2 Конституции Греции 1975 г.⁴ данное государство следует общепризнанным нормам международного права. В статье 9 Конституции Австрии 1981 г. устанавливается, что общепризнанные нормы международного

¹ Более подробно см.: Умнова (Конюхова) И. А. Конституционное право и международное публичное право: теория и практика взаимодействия. М. : РГУП, 2016. С. 49—50.

² Право в условиях глобализации : Новые научные подходы и практики : сб. науч. тр. / РАН ИНИОН ; отв. ред. Е. В. Алферова. М., 2016. С. 50—62.

³ Интернационализация конституционного права: современные тенденции : монография / под ред. Н. В. Варламовой и Т. А. Васильевой. М. : ИГП РАН, 2017. 224 с.

⁴ Здесь и далее цитируются конституции в последних редакциях.

права действуют в качестве составной части федерального права. В соответствии со ст. 8 Конституции Португалии нормы и принципы общего и обычного международного права являются составной частью португальского права. Нормы международных договоров, ратифицированные или одобренные должным образом, вступают в силу после официальной публикации, и их выполнение становится обязательным для Португальского государства.

Другая группа стран, аналогично Российской Федерации, наряду с общей формулировкой, конкретизирует в своих конституциях, как *соотносятся по юридической силе нормы международного и внутринационального права*.

К примеру, в соответствии со ст. 25 Основного закона ФРГ общепризнанные нормы международного права являются составной частью федерального права. При этом они имеют преимущество перед законами и порождают права и обязанности непосредственно для лиц, проживающих на территории ФРГ. Согласно ст. 6 Конституции Грузии 1995 г. законодательство Грузии соответствует общепризнанным принципам и нормам международного права. Не противоречащие Конституции Грузии международные договоры и соглашения Грузии имеют преобладающую юридическую силу в отношении внутригосударственных нормативных актов.

В статье 8 Конституции Республики Беларусь от 1996 г. записано, что Республика признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства. Не допускается заключение международных договоров, которые противоречат Конституции.

Государства третьей группы в качестве элемента внутринациональной правовой системы признают в своих конституциях *только нормы ратифицированных международных договоров и ничего не упоминают об общепризнанных принципах и нормах международного права*. В частности, в ст. 5 Конституции Болгарии 1991 г. закреплено положение о том, что международные договоры, ратифицированные в конституционном порядке, опубликованные и вступившие в силу для Республики Болгария, являются частью внутреннего права страны. Источниками

общеобязательного права Республики Польша являются: Конституция, законы, ратифицированные международные договоры, а также распоряжения (ст. 87 Конституции Польши). Согласно ст. 6 Конституции Армении 1995 г. ратифицированные международные договоры являются составной частью правовой системы Республики. В соответствии со ст. 4 Конституции Республики Казахстан 1995 г. к действующему праву в Республике относятся нормы международных договоров и иных обязательств Казахстана.

Различные подходы не есть признак какой-либо национальной самобытности государств. Причина кроется скорее в уровне правовой культуры, связанной с разным восприятием формального воплощения принципов и норм международного права как составной части внутринационального права. Унификация в этом направлении возможна путем выработки рекомендаций, сформулировать которые целесообразно на международном уровне. Тем не менее стоит отметить, что различия в конституционном регулировании соотношения норм международного права и национального права, во-первых, не имеют столь существенной разницы, во-вторых, не умаляют общую тенденцию расширения предмета конституционного регулирования за счет его интернационализации.

В контексте бинарного взаимодействия международного и национального права предмет современного конституционного права расширяется не только благодаря конституционному признанию принципов и норм международного права частью внутригосударственной правовой системы. Другая динамично развивающаяся тенденция состоит в синхронном вовлечении международных и национальных судов в толкование конституционно-правовой материи. Универсализация судебной защиты прав и свобод, других публично значимых отношений как общемировая тенденция в развитии государств породила практику появления конституционно-правового характера у ряда отношений, признаваемых ранее частноправовыми отношениями отраслей гражданско-правовой семьи. Речь идет о конституционно-правовом наполнении международным и национальным судебным толкованием:

- экономических отношений (публично-правовые механизмы противодействия монополизации, незаконной конкуренции, защиты свободы экономической деятельности, создание гарантий экономического суверенитета государств через ограничение приватизации, пределы передачи суверенных экономических прав международным организациям, в частности ВТО, и т.п.);
- семейных отношений (понимание семьи как конституционной ценности, вопросы защиты личного пространства семьи и гарантий совместного проживания членов семьи и т.п.);
- земельных отношений (установление пределов продажи земли общественными интересами, сохранение земель общего пользования и пр.);
- отношений природопользования (толкование понятия «природные ресурсы — национальное достояние», стандарты баланса экономических и экологических критериев развития в концепции устойчивого развития, в том числе в докладах ООН о развитии человеческого потенциала) и др.

При рассмотрении такого рода отношений международными судами и национальными судами государств бинарное взаимодействие конституционного права и международного публичного права проявляется как в практике взаимного учета судами правовых позиций, так и в их отрицании, в принятии противоположного содержания решений, создающих правовые коллизии в системе взаимодействия международного и национального права.

На примере разных государств, включая Россию, можно увидеть, как общие подходы к пониманию конституционно-правовой материи, так и различия. Так, проблема расхождения правопонимания у международных судов и национальных судов ярко иллюстрируется коллизиями в правовых позициях по вопросам личной свободы, содержания принципов равноправия между ЕСПЧ, с одной стороны, и судами России, Германии, Австрии, Италии, Венгрии, Польши, Турции и ряда других стран,

с другой стороны. Для России, в частности, характерно иное, чем у ЕСПЧ, правопонимание семьи как конституционной ценности, пределов свободы личного пространства семьи и гарантий совместного проживания членов семьи. В пределах, установленных в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, Конституционный Суд РФ дает иное толкование принципа гендерного равенства, прав сексуальных меньшинств. В соответствии с российским законодательством брак определяется как союз мужчины и женщины, не признаются однополые браки, устанавливаются запреты усыновления детей однополыми парами, гей-пропаганды и т.п.

Сравнения правовые позиции национальных судов и международных судов, современные ученые выходят за рамки анализа совместимости права государств — членов определенной международной организации и права данной организации. Интерес вызывает сопоставление подходов и с теми государствами, которые находятся вне конкретной региональной международной интеграции. Например, исследователями выявляются различия в судебной интерпретации ряда конституционно-правовых аспектов прав человека и свободы предпринимательской деятельности в судах Соединенных Штатов и в толкованиях Суда Европейского Союза⁵. Такие расхождения рассматриваются как риск для общих международно-правовых стандартов, формируемых на уровне международного универсального права ООН как угроза глобальному конституционализму, основанному на либерально-демократических идеях свободы, равенства и демократии.

Различия между национальным судебным и международным судебным толкованием конституционно-правовой материи находятся под влиянием понимания того, что Пьер Шлаг назвал «ключом онтологической идентичности»

⁵ *Rodin S. Constitutional Relevance of Foreign Court Decisions // The American Journal of Comparative Law. Oxford. 2016. Vol. 64. P. 815—840.*

(КОИ)⁶. Этот ключ объединяет такие критерии онтологической идентичности, как правовая основа, форма права (закон), субъект права и легитимность общественного устройства. Именно на основе этих признаков осуществляется, по его мнению, конституционное судебное толкование.

В современной юридической науке обоснованно поднимаются вопросы онтологической идентичности и пределов конституционной судебной интерпретации⁷. Ученые по-разному оценивают судебный активизм, все более свободную интерпретацию конституций и пределов конституционно-правовой материи. Так, американский профессор Поль Реэм, исследуя динамику применения Верховным Судом США и другими американскими судами концепции Дж. Мэдисона о «ликвидации Конституции США», замечает, что и при жизни Мэдисона, и в настоящее время эта концепция подвергается критике в силу ее неопределенности⁸. Эта линия конституционного развития США стала доминирующей и постепенно распространилась не только на страны общего права англосаксонской правовой семьи. В государствах континентальной Европы, в правовых культурах других групп государств суды все более активно вовлекаются в расширение пределов конституционного пространства.

Всё больший интерес в современных дискуссиях вызывает, однако, не сама по себе оценка возможности расширения рамок конституционного регулирования, а ответ на вопрос, может ли меняться интерпретация конституционных положений или однажды разъясненное положение сохранит свое значение в таком толковании неизменным. Согласно аргументам сторонников стабильной конституции, концепция «ликвидации конституции» не предполагает «постоянно развивающийся смысл», а скорее служит неизменным «фиксатором» однажды разъясненного смысла⁹.

Представляется, что судебный активизм в значительной мере был спровоцирован подходом, основанным на интерпретации конституции на основе принципов и методов общего права. Это несколько более широкий взгляд, согласно которому конституция должна интерпретироваться в соответствии с разнообразными методами и формами в традиции общего права¹⁰. В этом смысле «ликвидация конституции» означает принцип, определяющий, что использование исторической практики и судебного прецедента — действительное доказательство значения конституционного текста.

Аналогично живой, эволюционирующей Конституции США, которая со временем меняется без официальных поправок, но благодаря судебному толкованию, право ЕС в соответствии с учредительными договорами развивается не только посредством поправок к договорам, но и путем интерпретаций, осуществляемых Судом ЕС. Следует заметить, что Суд ЕС разработал концепцию права ЕС, для которой национальные правовые нормы являются когнитивно открытыми, но нормативно закрытыми. Например, хотя государства — члены ЕС обладают исключительной компетенцией в отношении регулирования гражданского состояния своих граждан, включая заключение брака, оказалось трудным согласовать национальные нормы, запрещающие однополые браки, с требованиями свободы европейского права и общими принципами равенства.

Пересечение международной и национальной судебной юрисдикции наблюдается также через феномен роста активности неправительственных организаций (НПО) в судебных разбирательствах, где права человека исследуются сквозь призму религиозных ценностей. Имеет место: 1) расширение присутствия НПО благодаря реализации их полномочий в рамках судебной юрисдикции и 2) все более возрастающее

⁶ Schlag P. Empty Circles of Liberal Justification // *Mich. L. Rev.* 1, 3. 1997. P. 96.

⁷ Rodin S. *Op. cit.* P. 820.

⁸ Ream P. G. Liquidation of constitutional meaning through use // *Duke Law Journal.* 2017. Vol. 66. P. 1645.

⁹ Schlag P. The Aesthetics of American Law // *Harv. L. Rev.* 2005. P. 1047, 1078.

¹⁰ Powell H. J. The Original Understanding of Original Intent // *Harv. L. Rev.* 1985. № 98. P. 885, 948 ; Strauss D. A. Foreword: Does the Constitution Mean What It Says? // *Harv. L. Rev.* 2015. № 1, 4—5. P. 129.

присутствие НПО в транснациональных религиозных разбирательствах с целью продвижения их идеологических позиций. Таким образом, НПО сегодня активно используют преимущества глобализации судебной юрисдикции для защиты своих идей¹¹.

Наряду с судебной интерпретацией конституционно-правового пространства, расширение предмета конституционного права происходит под влиянием так называемого политического конституционализма, присущего в большей мере странам общего права. Согласно концепции политического конституционализма, сформулированной британскими учеными, интерпретация конституции и связанных с ней законов — прерогатива парламента. Именно законотворческая функция парламента и интерпретация парламентом собственных законов в значительной степени обеспечивает защиту от угроз верховенству права и правам личности, обращение к республиканским идеалам самоуправления, равноправия и разделения властей. В то же время в современной конституционно-правовой практике в эту интерпретацию вовлекаются и иные государственные органы и структуры. Как отмечает профессор права Джанет Маклин (Новая Зеландия), Конституция — это больше чем то, что происходит в парламенте. В развитие политической Конституции Новой Зеландии, в частности, особо заметен вклад государственных юридических советников и государственных служащих¹² — экспертов конституции и всего того, что должно стать предметом конституционного права.

Наряду с пониманием конституционного права как ведущей отрасли внутринационального права, в современную эпоху всё большие обороты набирает научная идея международного конституционного права и международной конституции, основанная, в свою очередь, на концепции глобального конституционализма. Эта идея расширяет предмет конституционного права, выводит его за рамки внутринационального права.

Появление концепции глобального конституционализма связано с формированием транснациональных властных структур и интернационализацией национального конституционного права. Широко открывшиеся по этому поводу дискуссии обнаружили значительное число сторонников и противников этого подхода. Активность последних обусловлена сохранением роли государства-нации, а также принципов индивидуализма, расширением институтов частной собственности и других элементов того, что называют частной жизнью каждого.

Феномен глобализации конституционализма был рассмотрен с разных сторон авторами коллективной монографии «Сумерки конституционализма», изданной в 2010 г. в Оксфордском университете¹³. Наиболее привлекательной видится точка зрения тех ученых, которые попытались занять компромиссную позицию между апологетами и критиками глобального конституционализма. В частности, М. Лохлин разграничивает два вида конституционализации: внутрисударственная и международная (наднациональная). Он считает, что современная эпоха конституционализма, основанного на формуле «государство-нация», заменяется конституционализмом XXI столетия, развивающегося под знаменем многоуровневого конституционализма в условиях глобализации. Ключевые показатели такого конституционализма — международный конституционный правопорядок, адресованный международному сообществу, определение всеобщих ценностей и устойчивых механизмов их воплощения. Многоуровневый конституционализм охватывает национальный, региональный, международный функциональный и специализированный конституционный режимы, которые развиваются до уровня конституционализма международного сообщества¹⁴.

Профессор Ульрих К. Прейс, допуская, наряду с национальной конституцией, международную конституционализацию, рассматривает четыре основных индикатора данного процесса.

¹¹ *McCrudden Ch.* Transnational culture wars // *I.CON.* 2015. Vol. 13. № 2. P. 434—462.

¹² *Mclean J.* The unwritten political constitution and its enemies // *International Journal of Constitutional Law.* Oxford. 2016. Vol. 14. № 1. P. 119—136.

¹³ *The Twilight of Constitutionalism?* / Ed. by P. Dobner and M. Loughlin. Oxford, 2010.

¹⁴ *Loughlin M.* What is Constitutionalisation? // *The Twilight of Constitutionalism?* P. 52—73.

Во-первых, наличие правовых норм, которые предусматривают обязательства государств не только по отношению к другим государствам, но по отношению к международному сообществу, свидетельствует о новом статусе государств, а именно об их членстве в международных сообществах.

Во-вторых, появились фундаментальные международно-правовые нормы, которые являются императивными нормами, или *jus cogens*. Императивные правила такие же обязательные для государств без или даже против их воли, как и нормы, обязательные для всех (*obligations erga omnes*). И те и другие нормы (*obligations erga omnes* и *jus cogens*) относятся к сфере общих вопросов человечества, закрепленных в международном сообществе; они являются источниками обязательств и обязанностей государств.

В-третьих, возникают механизмы создания односторонних обязательств через гибриды договоров и законов. Это договоры мирового порядка — многосторонние международные договоры с «квазиуниверсальным членством» (Устав ООН, международные пакты о правах человека, Конвенция ООН о морском праве и др.). Институциональный механизм международного законодательства становится соответствующим критериям современного понятия конституции, а именно кооперативному и горизонтальному режиму создания коллективных обязательств.

Наконец, в-четвертых, одновременно с международным законодательством институт независимой судебной власти станет важным шагом на пути к конституционализации международного сообщества.

По мнению профессора права Нью-Йоркского университета М. Камма, в изменяющемся мире неизбежно возникает вопрос о том, как перемены способны влиять на традиционное пред-

ставление о конституционализме¹⁵. Исследуя феномен интернационализации норм внутригосударственного и соответственно конституционного права, современные ученые оценивают данное явление неоднозначно.

Первая группа ученых — конституционные апологеты («триумфаторы») — считают очевидным и объективно заданным процесс внешней радикальной экспансии конституционализма и формирования «конституционализма вне государств», который не только формирует международно-правовые стандарты либеральной демократии, но и распространяет международную правовую практику на уровень национального права через закрепление основ конституционализма. Об этом свидетельствует, по их мнению, право ООН и право Европейского Союза, которое не является исключительно договорным (конвенциональным) и потому несет в себе черты международного конституционного права (международного конституционализма). Такой позиции придерживаются, к примеру, Дж. Дюнофф и Дж. Трачтман, Н. Цагуриас, Дж. Уэйлер и М. Уинд¹⁶.

Вторая группа — так называемые «озабоченные» конституционалисты (в частности, А. Сомек, Д. Гримм) — высказывают тревогу относительно формирования конституционализма за рамками государств в той мере, в какой это влечет за собой потерю национальными конституциями качеств главной формы права, закрепляющей государственный суверенитет и право государства самостоятельно определять основы государственного и общественного строя. Традиция конституционного самоуправления государств, позволяющая учитывать национальные особенности, теряется, и это обуславливает необходимость определения границ экспансии конституционализма в международное право¹⁷.

¹⁵ См.: *Kumm M.* The best of time and the worst of time: between constitutional triumphalism and nostalgia // *The Twilight of Constitutionalism?* P. 201.

¹⁶ *Ruling the world: Constitutionalism, international law and global government* / J. Dunoff, J. Trachtman (eds). Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2009 ; *Transnational constitutionalism* / N. Tsagourias (ed). Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2007 ; *European constitutionalism beyond the state* / J. H. H. Weiler, M. Wind (eds). Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2003.

¹⁷ *Somek A.* Individualism: A theory of constitutional authority. Oxford : Oxford Univ. Press, 2008 ; *Grimm D.* The constitution and the process of denationalization. Oxford : Oxford Univ. Press, 2005.

Ключ к примирению сторон М. Камм видит в признании двух очевидных фактов: первый — конституционализм жив; второй — он неизбежно трансформируется в условиях вызовов глобализации. Одним из последствий такой трансформации стало появление понятия «международная конституция». Некоторые ученые, как было отмечено выше, относят к ней Устав ООН, Лиссабонское соглашение, Договор о функционировании ЕС и другие признаваемые государствами международно-правовые документы. В этой связи международный конституционализм как феномен нового времени нуждается в специальном анализе и научном обосновании¹⁸.

Поиск компромисса заставляет исследователей искать новые промежуточные между крайними по подходам доктрины. В этом контексте позиция М. Камма и других сторонников компромиссного конституционализма развивается, в частности, в исследованиях Даниеля Хальберстама. Пытаясь выйти за пределы дуалистической трактовки, он разграничивает конституционалистов по их отношению к глобализации конституционного права на три группы: 1) локальные конституционалисты, выступающие за традиционное понимание конституционализма и конституций в рамках конкретных государств; 2) глобальные конституционалисты, признающие многомерное (многослойное) управление, охватывающее все проблемы и всех людей мира одновременно; 3) плюралисты, выступающие за распределение полномочий в сфере конституционно-правовых отношений¹⁹. Под последними понимаются те, кто занимает компромиссную позицию. Они признают оба типа конституционализма, но подчеркивают пределы интернационализации конституционно-правовых отношений.

В Европе так называемое «плюралистическое движение» расцвело в ответ на решение Маастрихтского немецкого Федерального Конституционного суда²⁰. В этом случае Конституционный суд Германии, допуская расширение полномочий ЕС (в том числе утверждение верховенства и прямого действия на территории Германии), формально подтвердил приоритет конечного контроля национального суда в немецком конституционном пространстве.

В поисках компромисса Д. Хальберстам занимает, как представляется, конструктивную позицию, отмечая, что плюрализм как механизм взаимного уважения и распределения полномочий в Европе представляет подлинный третий путь между партикуляризмом локальных конституционалистов (охватывает всю область национальных интересов) и космополитизмом глобальных конституционалистов (соединяет в одно целое национальные и глобальные интересы). В более широком социальном смысле плюрализм Европы отражает то, что Джозеф Вайлер значительно ранее назвал принципом «конституционной толерантности»²¹.

Общий интернационалистский подход к вызовам глобализации в отношении конституционного права представлен серией доктрин взаимодействия международного права и американского правотворчества. Согласно данным доктринам международные договоры ограничивают правотворчество американских властей, в том числе Конгресса, при этом ограничения обязывают федеральное правительство принимать и придерживаться правил международного договора, даже если договор затрагивает правотворческие полномочия штатов. Например, Гагская конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей обязывает Государственный Департамент

¹⁸ *Kumm M. Op. cit.* P. 207—219.

¹⁹ *Halberstam D. Local, global and plural constitutionalism: Europe meets the world // The worlds of European constitutionalism.* Cambridge University Press, 2011. P. 150—202.

²⁰ *Baquero Cruz J. The Legacy of the Maastricht — Urteil and the Pluralist Movement // European Law Journal.* 2008. № 14. P. 412—418.

²¹ *Weiler J. H. H. Federalism without Constitutionalism: Europe's Sonderweg // K. Nicolaidis and R. Howse (eds). The Federal Vision: Legitimacy and Levels of Governance in the US and the EU.* Oxford University Press, 2001. P. 62—70.

США неуклонно следовать ее требованиям, несмотря на то что семейное право относится к ведению штатов. Данная доктрина, по мнению Дж. Ку и Дж. Ю, вступает в противоречие с конституционными основами американского федерализма²².

В противовес интернационалистам представители другой научной школы — «транснационалисты» — придерживаются критических взглядов в отношении того, как глобализация воздействует на конституционную структуру США. По их мнению, глобализация разрушает Соединенные Штаты как единую нацию. С позиции транснационалистов существенную роль в правотворчестве США играют, с одной стороны, штаты, а с другой — неправительственные организации. К примеру, Анна-Мария Слотер доказывает, что международные отношения развиваются в большей мере как непрерываемая серия международных правительственных и неправительственных связей, нежели как двусторонние отношения между государствами²³.

Негативно воспринимая глобализацию через механизм заключения международных договоров между нациями-государствами, транснационалисты утверждают, что такой путь приведет в итоге к пересмотру Конституции США. Один из ведущих транснационалистов профессор Петр Спиро, как и другие представители этой школы, считает, что система глобального межгосударственного регулирования призывает к пересмотру ряда ключевых конституционных доктрин; он даже предположил, что международные договоры могут разрушить систему прав человека, гарантированных Конституцией. Разрушение государства-нации мо-

жет привести в конечном итоге к разрушению Конституции²⁴. Таким образом, в современном развитии наблюдается тенденция возрастания роли конституционализма как идейной основы воздействия не только на внутригосударственные (национальные), но и на международные публичные отношения в целях формирования и защиты стабильного, справедливого и демократического миропорядка, строящегося на общепризнанных принципах и нормах международного публичного и одновременно конституционного права, на равноправных и партнерских отношениях между государствами, на механизмах разграничения конституционных полномочий между надгосударственными образованиями, государствами и их составными частями.

Обобщая изложенное, следует отметить, что в современную эпоху под влиянием бинарного развития внутригосударственного (национального) и международного права предмет конституционного права вышел за рамки традиционных представлений. Во-первых, имеет место бинарное функционирование двух уровней общественных отношений, относящихся к предмету конституционного права (внутринациональные и международные); во-вторых, под влиянием конвергенции внутринационального и международного права расширяется предмет конституционного права; в-третьих, сторонники концепции глобального конституционализма, предлагающие признать идею международного конституционного права и международной конституции, тем самым выводят на новый уровень дискуссию о самой отрасли конституционного права и о ее предмете.

²² *Ku J., Yoo J. Globalization and the Constitution // Taming Globalization: International law, the U.S. Constitution, and the New World Order. Oxford University, 2012. P. 27—30.*

²³ *Slaughter A.-M. Judicial Globalization // Va J. Int'l L. 1103. 2003. P. 40.*

²⁴ *Ku J., Yoo J. Op. cit. P. 37.*

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Интернационализация конституционного права: современные тенденции : монография / под ред. Н. В. Варламовой и Т. А. Васильевой. — М. : ИГП РАН, 2017. — 224 с.
2. Право в условиях глобализации : Новые научные подходы и практики : сб. научн. тр. / РАН ИНИОН; отв.ред. Е. В. Алферова. — М., 2016. — 261 с.
3. Умнова (Конюхова) И. А. Конституционное право и международное публичное право: теория и практика взаимодействия. — М. : РГУП, 2016. — 672 с.
4. *Vaquero Cruz J.* The Legacy of the Maastricht — Urteil and the Pluralist Movement // *European Law Journal*. — 2008. — № 14. — P. 409—426.
5. *European constitutionalism beyond the state / J. H. H. Weiler, M. Wind (eds).* — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2003. — 325 p.
6. *Grimm D.* The constitution and the process of denationalization. — Oxford : Oxford Univ. Press, 2005.
7. *Halberstam D.* Local, global and plural constitutionalism: Europe meets the world // *The worlds of European constitutionalism*. — Cambridge University Press, 2011. — P. 150—202.
8. *Powell H. J.* The Original Understanding of Original Intent // *Harv. L. Rev.* — 1985. — № 98. — P. 885—948.
9. *Kumm M.* The best of time and the worst of time: between constitutional triumphalism and nostalgia // *The Twilight of Constitutionalism?* / Ed. by P. Dobner and M. Loughlin. — Oxford, 2010. — P. 198—212.
10. *Ku J., Yoo J.* Globalization and the Constitution // *Taming Globalization: International law, the U.S. Constitution, and the New World Order*. — Oxford University, 2012. — P. 12—30.
11. *Loughlin M.* What is Constitutionalisation? // *The Twilight of Constitutionalism?* / Ed. P. Dobner and M. Loughlin. — Oxford University Press, 2010. — P. 52—73.
12. *McCrudden Ch.* Transnational culture wars // *I.CON.* — 2015. — Vol. 13. — № 2. — P. 434—462.
13. *Mclean J.* The unwritten political constitution and its enemies // *International journal of constitutional law*. — Oxford, 2016. — Vol. 14. — № 1. — P. 119—136.
14. *Ream P. G.* Liquidation of constitutional meaning through use // *Duke Law Journal*. — 2017. — Vol. 66. — P. 16—45.
15. *Rodin S.* Constitutional Relevance of Foreign Court Decisions // *The American Journal of Comparative Law*. — Oxford, 2016. — Vol. 64. — P. 815—840.
16. *Ruling the world: Constitutionalism, international law and global government / J. Dunoff, J. Trachtman (eds).* — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2009. — P. 53—68.
17. *Schlag P.* Empty Circles of Liberal Justification // *Mich. L. Rev.* — 1, 3. — 1997. — P. 93—102.
18. *Schlag P.* The Aesthetics of American Law // *Harv. L. Rev.* — 2005. — P. 147—178.
19. *Slaughter A.-M.* Judicial Globalization // *Va J. Int'l L.* — 1103. — 2003. — P. 38—47.
20. *Somek A.* Individualism: A theory of constitutional authority. — Oxford : Oxford Univ. Press, 2008. — 243 p.
21. *Strauss D. A.* Foreword: Does the Constitution Mean What It Says? // *Harv. L. Rev.* — 2015. — № 1. — P. 119—131.
22. *The twilight of constitutionalism?* / Ed. by P. Dobner and M. Loughlin. — Oxford, 2010. — 345 p.
23. *Transnational constitutionalism / N. Tsagourias (ed).* — Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2007. — 276 p.
24. *Weiler J. H. H.* Federalism without Constitutionalism: Europe's Sonderweg // *K. Nicolaidis and R. Howse (eds).* *The Federal Vision: Legitimacy and Levels of Governance in the US and the EU*. — Oxford University Press, 2001. — P. 62—70.

Материал поступил в редакцию 21 июня 2018 г.

MODERN UNDERSTANDING OF THE SUBJECT OF CONSTITUTIONAL LAW IN THE CONDITIONS OF BINARY DEVELOPMENT OF NATIONAL AND INTERNATIONAL LAW

UMNOVA-KONYUKHOVA Irina Anatolievna, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Legal Studies of the Russian State University of Justice
iaumnova@mail.ru
117418, Russia, Moscow, Novocheremushkinskaya str., 69

Abstract. *The article contains an analysis of the doctrine, a comparative assessment of the constitutional and international law regulation, the practice of international and national courts.*

The understanding of the subject matter of constitutional law as a two-level system of general and specific social relations has been established and developed in the light of globalization and diversification of modern law. On the one hand, the influence of general constitutional and legal relations has increased in the context of expanding a regulatory role of the principles of law. On the other hand, there are additional types of specific relations arising due to the constitutionalization of new areas of legal regulation.

The article provides for the classification of generally recognized principles and norms of international law in their Constitutions. One group defines generally recognized principles and rules of international law as part of the national legal system (e.g. Austria, Greece, Portugal). Another group also establishes the scope of their legal force (Belarus, Germany, Georgia, Russia, etc.). The third group determines only the scope of the norms of the International Treaty and the law (Armenia, Bulgaria, Poland, Kazakhstan, etc.).

A dynamically developing trend represents simultaneous involvement of international and national courts in the interpretation of constitutional and legal matters. Binary interaction of national and international law is expressed in both the practice of mutual recognition of legal standings of different courts and rendering adverse decisions. Common approaches and differences are demonstrated, in particular, by comparing the practice of the EU Court of Justice and the courts of European States, the ECHR and the courts of the Russian Federation.

The concept of global constitutionalism causes internationalization of constitutional law. It is noted that all proponents of global constitutionalism offering to recognize the idea of international constitutional law and International Constitution thereby bring the discussion concerning constitutional law and its subject matter to a higher level.

Keyword: *Subject matter, constitutional law, international law, globalization of law, diversification of law, Constitution, national courts, international courts, binary development of branches of law, constitutionalization of private law, global constitutionalism.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Internatsionalizatsiya konstitutsionnogo prava: sovremennye tendentsii : monografiya / pod red. N. V. Varlamovoy i T. A. Vasil'evoy. — M. : IGP RAN, 2017. — 224 s.
2. Pravo v usloviyakh globalizatsii : Novye nauchnye podkhody i praktiki : sb. nauchn. tr. / RAN INION; Otv.red. E. V. Alferova. — M., 2016. — 261 s.
3. *Umnova (Konyukhova) I. A.* Konstitutsionnoe pravo i mezhdunarodnoe publichnoe pravo: teoriya i praktika vzaimodeystviya. — M. : RGUP, 2016. — 672 s.